

ВЗГЛЯДЪ НА НАШИ СРЕДНЕАЗІЯТСКІЯ УСТРОЙСТВА.

Il faut laisser faire tout le monde,
Excepté les enfans, les sauvages et les faus.

Созданіе Туркестанскаго генераль-губернаторства, безспорно, принадлежитъ къ важнѣйшимъ событіямъ нашего времени. Объ немъ господствуетъ въ русской публикѣ такое мнѣніе, что это есть ничто иное какъ неизвѣстнаго рода зерно, брошенное въ не изслѣдованную почву. Мѣста много, а время у насъ еще мало цѣнится, — слѣдовательно, почему не посадить зерно; вырастетъ что — тѣмъ лучше; не вырастетъ — на то воля Божья. Подобный образъ мышленія можетъ быть естествененъ въ крестьянинѣ, занимающемся хлѣбопашествомъ въ олонеккой губерніи; но прискорбно встрѣчать его въ лицахъ составляющихъ, или которыя должны составлять, у насъ слой мыслящей публики. Вопросъ о нашихъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ, хотя въ нѣкоторыхъ лицахъ, долженъ бы возбудить живой интересъ. Неужели же мы никогда не выйдемъ изъ обычнаго своего апатичнаго состоянія.

Статьи, являющіяся въ англійскихъ «Review», различныхъ наименованій, по поводу нашихъ азіятскихъ дѣлъ, весьма лестны для Россіи, потому что въ нихъ выказывается глубокое уваженіе нашему просвѣщенію и твердая вѣра въ наше разумное пониманіе своихъ выгодъ; но тѣмъ не менѣе видно изъ нихъ, что въ самой Англии, общественное развитіе медленно совершаетъ замѣтные успѣхи; что тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, уроки исторіи долго остаются непонятными. Это про-

исходитъ отчасти оттого, что рѣдко, весьма рѣдко кто возьметъ на себя трудъ ознакомиться съ подробностями дѣла, о которомъ разсуждаетъ; а чѣмъ менѣе знаніе, тѣмъ легче судить. У насъ тѣ же сужденія повторяются, и журналисты всѣхъ націй, какъ овцы, о которыхъ говоритъ Рабле, слѣдуютъ одинъ за другимъ, повторяя все тотъ же вздоръ, который такимъ образомъ укореняется въ обществѣ, дѣлается аксіомой, и если кто осмѣлится высказать какія-нибудь сомнѣнія, насчетъ повторяемыхъ безсознательно всѣми сужденій, то этого скептика, съ крикомъ, объявляютъ еретикомъ, любителемъ парадоксовъ, — къ несчастію, по крайней мѣрѣ теперь уже не сожигаютъ на кострѣ. Былъ однакожъ одинъ случай, весьма поучительный и могущій какъ нельзя болѣе привести къ правильному пониманію взаимнаго положенія Россіи и Англии въ Азіи. Тутъ не сужденія, а факты, — и чтобъ въ нашей публикѣ дикія воззрѣнія на этотъ счетъ, по возможности прекратились, мы считаемъ полезнымъ привести на память этотъ грозный примѣръ вредныхъ послѣдствій, не основательныхъ опасеній и дѣтскаго пониманія политическихъ вопросовъ, — для чего мы представимъ здѣсь слѣдующую выписку изъ «Дополненій» В. В. Григорьева, къ «Кабулистану» Риттера (Сиб. 1867 г., стр. 881—884), сочиненія, до котораго конечно большинство нашей публики никогда не коснется.

«При тегеранскомъ дворѣ, — пишетъ В. В. Григорьевъ, — преобладало въ это время русское вліяніе. Такое положеніе дѣлъ могло не нравиться англичанамъ — это понятно; но видѣть въ немъ опасность для владѣній своихъ въ Индіи, не имѣли они никакого основанія, кромѣ сознанія, что будь

они сами на мѣстѣ русскихъ, а Россія, вмѣсто ихъ, владѣй Индію, такъ не было бы съ ихъ стороны недостатка въ стараніи воспользоваться значеніемъ своимъ въ Персіи, чтобы подвигнуть эту державу на завоеванія въ Индіи, или открыть туда, чрезъ нее, путь для собственныхъ армій. Искони миролюбивой, не задѣвающей, а только отражающей, и нерѣдко самоотверженной, политики Россіи, непонимали тогда англичане, какъ не вѣрятъ въ нее и теперь. Осада Герата персіянами, по наущенію Россіи, какъ предполагалось, присутствіе русскихъ офицеровъ въ лагерѣ шаха, и слухи, что готовится экспедиція противъ Хивы изъ Оренбурга, все это, вмѣстѣ взятое, казалось англичанамъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ замысловъ Россіи на Индію. Воображеніе британскихъ политиковъ, какъ въ этой послѣдней, такъ и въ самой Англійи было взволновано. Борнсъ, отъ котораго бы слѣдовало ожидать большаго благоразумія — онъ былъ въ Бухарѣ, зналъ какія безводныя степи, какіе громадные горные хребты отдѣляютъ русскія владѣнія въ Азіи отъ британскихъ, — сочувствовалъ, напротивъ, опасеніямъ своихъ соотечественниковъ, и даже разжигалъ ихъ корреспонденціями своими изъ Кабула. Англо-индѣйскимъ властямъ такъ и мерещилось, что вотъ-вотъ и блеснутъ русскіе штыки на Индѣ. Можно представить себѣ, какъ при такомъ болѣзненномъ настроеніи воображенія, должно было поразить Борнса, а вслѣдъ за нимъ компанейское управленіе, весь дипломатическій корпусъ Англійи, и наконецъ парламентъ — появленіе въ Кабулѣ, къ концу декабря 1837 г., русскаго офицера по фамиліи Виткевичъ, когда тамъ дотолѣ никого изъ русскихъ не бывало. Воплями противъ безмѣрнаго че-

столюбія, низкихъ интригъ, отвратительнаго коварства Россіи, огласились всѣ британскія владѣнія на земномъ шарѣ, а за англичанами стали повторять, тоже безсознательно, и французскіе, и нѣмецкіе публицисты. Никому въ голову не пришло взглянуть на дѣло хладнокровнѣе, и разсудить, что если англичане сочли возможнымъ посадить въ Кабулѣ агента, который бы не только слѣдилъ за движеніями тамошняго правительства, но и дѣйствовалъ въ пользу свою, то почему же бы не было позволительно и для русскихъ пограничныхъ властей послѣдовать отчасти примѣру, поданному англо индѣйскими, и послать отъ себя чиновника въ Кабулѣ — посмотрѣть, чѣмъ такимъ занимается тамъ г. Борнсъ. Разсудить, что если посылку Виткевича въ Кабулѣ принимать за враждебную демонстрацію Россіи, противъ англійскихъ интересовъ въ Азіи, то почему, за точно такую же демонстрацію, со стороны Англійи, не могла бы принимать и Россія предшествовавшую поѣздку самого г. Борнса въ Бухару? Русское правительство однакоже, не посмотрѣло такимъ образомъ на эту поѣздку, нисколько не думало тревожиться ею, и никакихъ запросовъ по этому поводу себѣ не позволило. Но «у страха глаза велики», говоритъ пословица, и видитъ то, чего нѣтъ. Борнсъ совершенно разстроился отъ появленія Виткевича въ Кабулѣ, хотя Достъ-Махоммедъ, все еще не теряя совершенно надежды, пріобрѣсти расположеніе и покровительство англо-индѣйскихъ властей, принялъ Виткевича крайне сухо и недовѣрчиво, передалъ тотчасъ Борнсу всѣ бумаги ему привезенныя, и изъявилъ полную готовность выслать «московскаго» агента изъ своихъ владѣній. Впервые въ жизни, быть можетъ, дѣйстви-

валъ Достъ-Махоммедъ открыто и искренно, и былъ наказанъ за это: англо-индѣйскія власти остались глухи и неумолимы, сами не хотѣли для Достъ-Мохаммеда пошевелить пальцемъ, а отъ него требовали, чтобы онъ принадлежалъ имъ тѣломъ и душою. Эмиръ увидѣлъ наконецъ, что не добьется отъ нихъ ничего, и сталъ принимать Виткевича, котораго до тѣхъ поръ держалъ почти взаперти. Борнсъ, давно уже тяготившійся бесполезнымъ пребываніемъ своимъ въ Кабулъ, тотчасъ же выѣхалъ (26-го апрѣля 1838) и 17-го іюня былъ уже въ лагерѣ, призванный туда для совѣщанія «на счетъ критическаго положенія британскихъ дѣлъ на западѣ отъ Инда, — какъ самъ онъ выразился.»

Какія же были слѣдствія этой безумной тревоги? Всѣмъ извѣстенъ исходъ англійской экспедиціи въ Афганистанъ, и въ Англіи онъ долго будетъ памятенъ. Странно то однакоже, что мало кто понялъ и понимаетъ настоящія причины этихъ грозныхъ событій. Очень немного лицъ достаточно ознакомились съ этой страницей исторіи, чтобъ составить себѣ убѣжденіе, согласное съ истиной, что англійскій походъ въ Афганистанъ, былъ плодомъ болѣзненнаго настроенія англійскихъ государственныхъ и негосударственныхъ людей, — далъ же онъ такіе грозные результаты, по причинѣ бездарности лицъ, руководившихъ его исполненіемъ. Тутъ Россія ровно не причемъ, и она никакъ не можетъ считать, что посылкою одного казацкаго офицера въ Кабулъ, она вынудила Англію сдѣлать ненужную и несообразную съ началами справедливости, экспедицію, которая не привела къ осуществленію ни одной изъ предполагаемыхъ цѣлей и стоила болѣе 18,000 человѣческихъ жизней и 15 милл. ф. ст. (болѣе

90,000,000 руб. сер.)! Вотъ послѣдствіе вздорныхъ общественныхъ сужденій, и также, конечно, неудачнаго выбора исполнителей. О неудачномъ выборѣ исполнителей мы не будемъ распространяться,—это въ Россіи вопросъ слишкомъ щекотливый,—но о вздорныхъ мнѣніяхъ въ обществѣ, мы должны сказать нѣсколько словъ.

Столкновеніе Россіи съ Англіею въ центральной Азіи, есть ничто иное какъ химерическое пугало, которое не только бесполезно, но очевидно весьма вредно. Всѣ люди, знакомые съ физической и политической географіей Азіи, очень хорошо знаютъ, что задачи какъ Россіи, такъ и Англіи въ Азіи, представляютъ очень много общаго, у обѣихъ державъ очень много общихъ интересовъ, потому что у обѣихъ одно знамя: *образованность*, и одинъ общій врагъ: *невѣжество азіатскихъ народовъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ англійскихъ, истинно государственныхъ людей, вполне это понимаютъ; они знаютъ всѣ трудности борьбы противъ дикости, и не создаютъ себѣ химерическихъ враговъ, въ другихъ людяхъ, поставленныхъ въ условіяхъ сходныхъ съ ихъ положеніемъ, но на совершенно другомъ мѣстѣ Азіатскаго континента и на громадномъ отъ нихъ разстояніи. Единственное поприще, гдѣ соперничество между Англіею и Россіею можетъ еще казаться возможнымъ, это—торговля,—но и тутъ мы надѣемся доказать, что опасенія также неумѣстны какъ и въ политическомъ отношеніи.

Нужно дать себѣ, прежде всего вѣрный, и ясный отчетъ объ азіатской торговлѣ и изслѣдовать съ точностью ея средства и прочность. Въ древности, дѣйствительно азіатская торговля представляла большую

приманку. Все цѣнное въ Европѣ, — металлы, камни, шелковыя ткани, жемчуги и проч., все это было привозимо изъ Азіи. Нѣтъ сомнѣнія, что не будь такъ твердо основана слава азіатскихъ богатствъ, никогда Алонзо Квентанилло и Льюджи Сантангель не успѣли бы уговорить Изабеллу дать Колумбу тѣ три корабля, съ которыми онъ открылъ Америку. Азіатская торговля съ древняго времени привлекала англичанъ, и ей же мы обязаны, что капитанъ Чанселеръ открылъ Бѣлое море. Изъ Азіи въ прежнія времена было что вывозить; но съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились, — слава же азіатскихъ сокровищъ, установившаяся вѣками, кажется непоколебимой.

Если мы всмотримся въ положеніе азіатскихъ государствъ, насъ поразитъ въ нихъ невообразимое распаденіе нравственныхъ силъ. Чтобъ торговать, надо имѣть чѣмъ торговать. Изъ Азіи, все цѣнное вывезено давно, за исключеніемъ только того, что есть въ китайской имперіи, находящейся въ этомъ отношеніи въ положеніи особенномъ, и потому мы теперь оставимъ ее совершенно въ сторонѣ. Определеніемъ Провидѣнія, выказавшимся успѣхами ученія Махоммеда, въ прочихъ азіатскихъ государствахъ, производительныя силы распались окончательно. Какъ бы ни были изобильны источники богатствъ, доставляемые почвой и климатомъ, — сами по себѣ эти источники недостаточны, и мы видимъ что Европа, далеко не пользующаяся такими условіями, и въ сущности имѣющая только три матеріальныхъ богатства: желѣзо, каменный уголь, и образованность, — незамедлила захватить къ себѣ все богатства всего міра, въ томъ числѣ и богатства

Азіи. Странно каждаются, что европейскія издѣлія можно постоянно съ выгодой продавать въ Азію, когда азіатцы ничего не производятъ, все болѣе и болѣе бѣднѣютъ, и наконецъ, у нихъ скоро пресѣкнутся все источники для обмѣна. Если индѣйскія владѣнія Англіи, доставляютъ этому государству значительный доходъ, — если вообще торговля съ Индіею имѣетъ большое значеніе, это происходитъ оттого, что Англичане ввезли туда съ собою европейскую промышленность, и стараются развить ее тамъ какъ можно болѣе. Къ тому же эта страна безспорно особенно щедро надѣлена природой. Ничего подобнаго нѣтъ въ Средней Азіи. Производительность тутъ совершенно ничтожна и затруднена еще всеми преградами, составляющимъ неизбежное слѣдствіе величайшихъ гражданскихъ неурядицъ. Надежда переманить у англичанъ торговлю съ сѣверной Индіею, есть прямая несообразность. Спрашивается теперь, — если у средне-азіатскихъ народовъ нѣтъ ничего собственнаго, — что къ несчастію совершенно вѣрно, — и если имъ изъ Индіи ничего не привезутъ, — чѣмъ же будутъ они торговать съ нами? Какую же тутъ торговлю мы можемъ отбить у Англіи, или Англія у насъ? Тутъ, независимо отъ всехъ прочихъ обстоятельствъ, и спорить не о чемъ.

Должно надѣяться, что Россія со всеміи иначе воспользуется своими Средне-азиатскими владѣніями. Должно надѣяться, говоримъ мы, потому что въ скорое выполненіе этого вѣрить не возможно. Крайняя неразвитость всехъ нашихъ сословій, отсутствіе способныхъ и свѣдующихъ дѣятелей, — въ особенности, рѣдкость самоотверженія, твердой любви и преданности къ

я задуманнымъ предпріятіямъ, въ нашихъ
людахъ, все это, составляющее отсталось
е Россіи, бѣдность нашу у себя дома, — не
можетъ не вліять значительно на наши
успѣхи на востокѣ, на успѣхи, конечно, су-
щественные, настоящіе, а не военные, до
которыхъ мы теперь не касемся. — Буду-
щее значеніе Средній Азии зависитъ отъ
возбужденія тамъ промышленности. Без-
спорно тамъ находятся безконечные источ-
ники богатствъ, — но надо *умѣть* пользо-
ваться этими источниками, и надо этого
хотѣть. Для устройства и развитія про-
мышленности, конечно, и въ самой Россіи
много источниковъ, и если ими не пользует-
ся, то это происходитъ также отъ того,
что нѣтъ *умѣнія* и нѣтъ *хотѣнія*. Обсто-
ятельства однакожь сложились такъ, что
не можемъ отказаться отъ своей роли, от-
носительно введенія образованности въ Азію,
и потому, хотя многое изъ того что мы
должны сдѣлать тамъ, полезно бы было
произвести и у насъ въ Россіи, — но это со-
ставляетъ задачу другихъ дѣятелей, а въ
настоящей статьѣ мы исключительно зай-
мемся вопросомъ объ устройствахъ въ на-
шихъ Средне-азиатскихъ владѣніяхъ.

И такъ, мы считаемъ и признаемъ со-
вершенно доказаннымъ, что со стороны
Европейскихъ державъ, въ томъ числѣ
и Англій, мы не можемъ ожидать ника-
кихъ разумныхъ помѣхъ ни на какомъ
поприщѣ нашей дѣятельности въ Средней
Азии. Намъ предстоитъ борьба только съ од-
нимъ врагомъ, — именно съ невѣжествомъ и
закоснѣлой дикостью азиатскихъ народовъ.
Весьма важно опредѣлить и понять свое
положеніе, — тогда можно хорошо обсудить
предпоставленный вопросъ, и отклонить отъ
себя всѣ вздорныя сужденія, распростра-

ненныя въ публикѣ, и пользующіяся ка-
кимъ то, чисто условнымъ, значеніемъ.

Прежде чѣмъ основать и развить про-
мышленность въ странѣ, надо имѣть стра-
ну. Въ политическомъ смыслѣ, согла-
сно указу Сената, Туркестанскій край су-
ществуетъ неоспоримо; но въ дѣйствитель-
ности, страна эта еще весьма мало измѣ-
нилась съ первоначальнаго нашего въ
нее вступленія, что, какъ извѣстно, было
весьма недавно. — Она представляетъ собою
нѣчто хаотическое, — массу матеріала, — все
нужное для созданія страны; но страны
еще нѣтъ, и нуженъ организаторъ, чтобъ
привести все въ порядокъ, размѣстить эле-
менты, и дать направленія силамъ. Тутъ
безспорно представляется задача трудная, но
за то она какъ нельзя болѣе славная; тутъ
въ особенности важно *умѣть* и *хотѣть*.
Задача эта еще тѣмъ болѣе трудна, что
нѣтъ никакихъ указаній, которыя можно
было бы извлечь изъ прежней опытности.
До сего времени, мы не занимались сте-
пью, и наши распоряженія, заключающіяся
только въ учрежденіяхъ различныхъ долж-
ностей, въ назначеніи чиновниковъ, были
чисто поверхностныя и не касались быта
стенныхъ жителей, а, слѣдовательно, не мо-
гли посѣять въ нихъ элемента образован-
ности. Надо надѣяться, что въ управленіи
Туркестанскаго края не будутъ держаться
этой политики невмѣшательства, въ этомъ
случаѣ вовсе не примѣнимой, хотя можетъ
быть и очень удобной. Для успѣховъ про-
свѣщенія, важенъ болѣе всего строго ве-
денный порядокъ, — а какіе установятся
порядки, — дѣло второстепенное.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ВЗГЛЯДЪ НА НАШИ СРЕДНЕАЗІЯТСКІЯ УСТРОЙСТВА.

— 271 —

Il faut laisser faire tout le monde,
Excepté les enfants, les sauvages et les fous.

(Окончаніе).

Въ настоящее время, въ Европейской наукѣ, признается уже безусловно вѣрнымъ то, что вѣкъ долговременной фортификаціи совершенно кончился. Быстрое усовершенствованіе оружія, огромный перевѣсъ въ средствахъ, которыми располагаетъ атака противъ обороны, дѣлаютъ невозможной трату милліоновъ, на постройку крѣпостей, которыя теперь никакъ не могутъ остановить непріятеля. Границы опредѣленныя трактатами, гораздо болѣе тверды и болѣе прочны, нежели линіи фортовъ, устроенныхъ по какой бы то ни было системѣ. Все это доказано относительно Европейскихъ государствъ,—но это не менѣе вѣрно и относительно Азіатскихъ. Система линій фортовъ не мало стоила намъ на Оренбургской и Сибирской границахъ. Для огражденія себя отъ нападеній азіатцевъ конечно до-

статочно самыхъ ничтожныхъ укрѣпленій,—достаточно для этого простой валъ, который можетъ быть выведенъ вездѣ, и не принадлежитъ къ долговременной фортификаціи. Сколько фортовъ было нами построено въ различныхъ мѣстахъ въ степи и потомъ оставлено? Сколько это причинило намъ значительныхъ и совершенно бесполезныхъ расходовъ?

Взамѣнъ старинной системы постройки линій фортовъ, намъ представляется другой образъ дѣйствій, несравненно роціональнѣе, несравненно проще и гораздо лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Мы именно должны вводить образованность и гражданственность въ занятомъ нами дикомъ краѣ, и тогда представятся намъ средства обезпечить прочнымъ образомъ въ немъ свое могущество. Тотъ, кому этотъ образъ дѣйствія покажется труднымъ, одинаково незнакомъ, какъ съ характеромъ азіатскихъ народовъ, такъ и съ европейской образованностью.—Къ сожалѣнію, прежніе тамошніе дѣятели были именно таковыми; и это составляетъ единственное объясненіе того печальнаго факта, что Киргизы, находясь долго подъ нашимъ управленіемъ, въ настоящее время также

дики, какъ они были за тысячу лѣтъ тому назадъ.

Предоставивъ всѣ бредни, относительно прелестей кочевой жизни писателямъ романовъ, мы выскажемъ твердое убѣжденіе, что человекъ изрѣдка гложущій твердый кусокъ крута *), кочуетъ не изъ любви къ переменамъ пейзажа, а кочуетъ онъ потому, что ему нужны пастбища для скота; но онъ очень хорошо знаетъ, что пастбища не всегда и не вездѣ удастся найти; онъ сознаетъ вполнѣ; что жизнь его крайне несчастна, но онъ не знаетъ какъ измѣнить ее, и съ тупостью животного раздражаетъ тому, что видитъ, и что привыкъ видѣть около себя. Приведеніе Киргизъ къ осѣдлой и до извѣстной степени правильной жизни, есть задача въ высшей степени легкая; она требуетъ только терпенія, отсутствія всякаго насилія, ничтожныхъ поощреній, а главное, собственно имъ дѣлаемыхъ, объясненій и указаній. Этимъ путемъ въ нѣсколько лѣтъ, все пространство граничимае съ сѣвера и запада Ураламъ,

*) Приготавливаемый Киргизами творогъ преимущественно изъ кобыльаго молока.

съ юга Усть-юртомъ, съ востока Каракумами и Аральскимъ моремъ, можетъ быть заселено Киргизами малой и средней орды. Но построенныя тутъ селенія должны быть исключительно азіатскія, въ нихъ не нужно никакихъ нашихъ гарнизоновъ, никакихъ фортовъ, никакихъ военныхъ сооружений. Сами Азіатцы, состоя въ нашей службѣ, могутъ быть сборщиками податей; азіатцы же могутъ занимать всѣ должности въ этихъ селеніяхъ.

Киргизы, какъ вообще всѣ степные Азіатцы, вовсе не воинственны; и было бы странно еслибъ кто сталъ изъявлять опасенія, что эти селенія будутъ разбойничьи вертепы. Подобныя, совершенно годательныя опасенія, дѣлаютъ невозможнымъ всякое преуспѣяніе. Для опроверженія такихъ сужденій, стоитъ только вспомнить, что одна рота пѣхоты съ двумя орудіями составляетъ непобѣдимую во всей Азіи армію; и потому, если бы по какимъ нибыло причинамъ, намъ оказалось бы нужнымъ занять какой-нибудь отдѣльный пунктъ въ степи, достаточно будетъ этого пожелать чтобъ оно было исполнено безъ труда и безъ большихъ жертвованій.

Устройство киргизскихъ селеній требуетъ
однакожъ, для своего успѣшнаго осуществле-
нiя, нѣкоторыхъ особенныхъ мѣръ, на ко-
торыя мы хотимъ здѣсь обратить вниманiе.
Прежнiе начальники оренбургскаго края,
занятыя другими дѣлами, не имѣли ни
надлежащихъ свѣдѣнiй, ни даже желанiя
создать что нибудь прочное и достойное
великой державы, которой они служили.
Это ясно видно изъ образа строенiя на-
шихъ фортовъ. Глиняныя мазанки, вред-
ныя для своихъ обитателей, безобразныя,
постоянно разрушающiяся, — приличны для
кратовъ, но никакъ не для людей. Кирги-
зы умѣютъ ихъ строить не хуже насъ,
потому что мы сами этому великому худо-
жеству выучились у нихъ же, и если они
строятъ ихъ въ маломъ числѣ, и то въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ на своихъ зимовкахъ,
то это происходитъ отъ того, что мазанки,
въ фортахъ, даже для Киргизъ, не годны.
Всѣ предложенiя измѣнить и улучшить
способы производить постройки въ нашихъ
степяхъ, встрѣчали въ прежнемъ началь-
ствѣ Оренбургскаго края, не только равно-
душiе, но даже прямое недоброжелательство.
Доказательствомъ этому можетъ служить

все испытанное генераломъ Бюрно, виновнымъ въ желаніи нѣсколько улучшить наши стѣнные постройки, примѣненіемъ сводовъ изъ Камышевыхъ фашинь. Здѣсь не мѣсто разсматривать достоинства и недостатки этого рода построекъ; вѣрно только то, что Бюрно хотѣлъ улучшить наши постройки въ фортахъ Сыръ-Дарьинской линіи, и встрѣтилъ недоброжелательство и всякаго рода сопротивленіе. При такомъ порядкѣ вещей, нельзя удивляться, что не сдѣлано ни одной попытки устроить Киргизскія поселенія. Киргизы знаютъ, что мазанки необитаемы, что въ нихъ люди болѣютъ; они видятъ, что мы строимъ для себя мазанки и живемъ въ нихъ, — можно ли удивляться, что нашъ примѣръ ихъ не увлекаютъ, и что они предпочитаютъ свои первобытныя кибитки, отвратительнымъ и и вреднымъ жилищамъ изъ сушеной глины?

Исторія искусствъ съ очевидностью доказываетъ, что отечество перваго изъ всѣхъ искусствъ — архитектуры, — есть Азія. Мало того, ни одно изъ чѣловѣческихъ племенъ не одарено такимъ сознаніемъ, такимъ инстинктомъ прекраснаго въ строи-

тельномъ искусствѣ, какъ народы, колыбель, которыхъ находится въ Азіи. Всѣмъ извѣстно, что въ древнихъ азіатскихъ государствахъ, архитектура достигла особеннаго величія; изъ Азіи, и черезъ Азіатскихъ дѣятелей, это искусство проникло въ Европу, и нужно сознаться, что оно мало совершило успѣховъ со времени паденія великихъ азіатскихъ государствъ. Однообразіе европейской архитектуры, отсутствіе въ ней изящныхъ формъ, не вездѣ даже замѣняется прочностью, удобствомъ и сухостью стѣнъ. Это доказываетъ то, что въ европейскихъ народахъ нѣтъ того инстинкта къ прекрасному въ строительномъ искусствѣ, который свойственъ жителямъ Азіи. Что это чувство есть въ азіатахъ, это видно и теперь въ громадныхъ развалинахъ всюду покрывающихъ Азію. Великія сооруженія, которыя не убоились разрушительнаго дѣйствія времени, не могли устоять противъ послѣдствій вреднаго ученія махоммеда. Нравственныя силы распались на востокѣ, и если въ настоящее время въ азіатскихъ государствахъ мы не видимъ того величія, которое составило славу ихъ въ прошедшемъ, нѣтъ причины

думать, что инстинктъ къ прекрасному въ архитектурѣ, притуился въ нихъ совершенно и навсегда. Напротивъ, есть полное основаніе предполагать, что инстинктъ этотъ, дарованный имъ Всевышнимъ Творцомъ, сохранился въ нихъ и по сіе время, и если онъ не проявляется оцутительно, то это происходитъ отчасти отъ нравственнаго оцѣпенѣнія производимаго махоммедскимъ закономъ, отчасти же отъ особеннаго стеченія политическихъ обстоятельствъ, произведшихъ полное распаденіе умственныхъ и гражданскихъ силъ на востокѣ.

Изложивъ такимъ образомъ главные доводы, на которыхъ основывается мнѣніе, что чувство къ прекрасному въ архитектурѣ и по нынѣ свойственно азіатамъ, можно допустить, по всей вѣроятности и то, что этотъ инстинктъ можетъ быть развитъ въ киргизахъ. Само собою разумѣется, что слабое сочувствіе, которое выказываютъ они къ глинянымъ мазанкамъ, равно ничего не доказываетъ, и очевидно, что они совершенно иначе отнесутся къ сооружениямъ истинно изящнымъ и достойнымъ ихъ вниманія.

Независимо отъ художественной стороны, г

въ архитектурѣ есть сторона матеріальная, чисто научная, которая имѣетъ не меньшее значеніе, и представляетъ часть совершенно особенную отъ первой. Это матеріальная часть архитектуры, имѣющая предметомъ добываніе и приготовленіе строительныхъ матеріаловъ, достигшая въ Европѣ извѣстнаго совершенства, она и нынѣ еще развивается постепенно все болѣе и болѣе,—и если въ художественномъ отношеніи Европа должна уступить первое мѣсто Азіи, то въ наукѣ о приготовленіи строительныхъ матеріаловъ, она далеко опередила послѣднюю. Вотъ эти-то научныя свѣдѣнія и слѣдуетъ намъ заимствовать у европейской образованности и примѣнить къ постройкамъ для киргизъ, не стѣсняя, а напротивъ развивая въ нихъ тѣ инстинкты, которыми они, по всей вѣроятности, надѣлены отъ природы.

Въ мѣстности, гдѣ теперь кочуютъ киргизы, въ означенныхъ выше предѣлахъ, находятся въ неисчерпаемомъ изобиліи, кремнеземъ, щелочныя соли, глина и известь. Изъ этихъ сырыхъ матеріаловъ можно приготовить камни для сооруженія зданій, согласно самымъ изысканнымъ требованіямъ

архитектуры. Для этого нужно только нѣсколько свѣдущихъ лицъ, которые могли бы доставить киргизамъ надлежащія указанія, и тогда уже они сами будутъ строить себѣ жилища, по своему вкусу, когда пріобрѣтутъ достаточно практическихъ знаній. Первые таковыя зданія могутъ быть возведены для главнѣйшихъ киргизскихъ султановъ, и независимо отъ этого, можно обстроить все станціи по почтовому тракту отъ Орска до Казалы. Когда киргизы, увидятъ, что киргизы же построили себѣ изящныя здадія, нѣтъ сомнѣнія, что это произведетъ громаднѣйшее вліяніе на весь народъ. Они будутъ съѣзжаться изъ всей Азіи, чтобы посмотрѣть на такое диво, и скоро, во многихъ мѣстахъ, примутся подражать этому дѣлу, которое должно быть представлено имъ въ настоящемъ своемъ видѣ, т. е. весьма простымъ и легкимъ. Когда такимъ образомъ устроятся киргизскія села, не представится труда заселить тѣмъ же порядкомъ, менѣе дикія туркменскія племена, какъ напр. іомуты, — и постепенно развивающаяся гражданственность въ этихъ пустынныхъ, и въ настоящее время столь не отрадныхъ краяхъ, доста-

вить Россіи новую населенную область, съ которой она сроднится тѣсно, — и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно ослабѣютъ элементы дикости и своеволія, препятствующіе по сіе время всякому преуспѣянію въ центральный Азіи.

До сихъ поръ мы говорили только объ устройствѣ киргизскихъ поселеній, что, до Туркестанскаго края, повидимому, мало относится. Что же дѣлать, когда по сіе время ровно ничего не сдѣлано относительно устройства въ степи? Къ тому же, то, что мы сказали о киргизскихъ постройкахъ, примѣнимо и въ отношеніи поселеній, которыя можно устроить въ Туркестанскомъ краѣ. Многія изъ селъ въ Семирѣченской области могутъ быть населены китайцами, и обстроены на китайскій ладъ. Вообще нужно принять дѣятельныя мѣры къ приведенію всѣхъ кочующихъ тутъ народовъ къ правильной жизни, причемъ, на первое время едва ли разумно намъ перемѣшиваться съ ними, и не жить въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Болѣе или менѣе сознательно, мы до сихъ поръ вообще придерживались этого правила, что, конечно, вполне разумно. Что же касается перевода въ степь

станицъ оренбургскаго войска, съ уральскихъ старой и новой линіи, то мы вполне признаемъ всю пользу этой мѣры, лишь бы не тратились суммы на постройки фортовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, если воспользуются переводомъ казаковъ на новыя мѣста, чтобъ нѣсколько подвинуть ихъ на пути образованности, ибо въ отношеніи умственнаго развитія, они мало рознятся отъ киргизъ. Представители порядка и гражданскихъ устройствъ, мы, должны строго за собою смотрѣть, и не жить какъ нибудь, на что, какъ извѣстно, казаки оренбургскаго войска очень склонны. Казацкія станицы въ степи, устроенныя на мѣстахъ, которыя для этого будутъ признаны удобными, должны быть обстроены образцовымъ образомъ, и какъ въ степи нѣтъ лѣсу, о чемъ въ этомъ случаѣ можетъ быть и сожалѣть не должно, постройкамъ изъ камня, для казаковъ, можно будетъ придать изящный наружный видъ и внутреннее удобство, которыя окажутъ полезное вліяніе на самое умственное развитіе казаковъ.

Для всѣхъ устройствъ, и въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно рѣшительно все устроить, нужны средства. Очевидно

эти средства должны быть найдены въ самомъ краѣ, и безсомнѣнно то, что ихъ можно тамъ найти. Надо основать тамъ промышленность, которая изольетъ благосостояніе на всѣхъ тамошнихъ жителей, дастъ средства устроить торговлю, выгодную для самой Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить самымъ надежнымъ образомъ наше могущество въ краѣ. Великій вопросъ теперь: какъ это сдѣлать?

Было время, когда въ Россіи всѣ значительныя промышленныя предпріятія велись казною, нынѣ стараются сдать ихъ частнымъ лицамъ. Въ каждомъ изъ этихъ порядковъ вещей, есть свои достоинства и недостатки. Въ первомъ случаѣ, т. е. Когда промышленныя производства находились въ рукахъ казны, издѣлія добывались, но обходились дорого. Во-второмъ случаѣ, издѣлія вовсе не добываются, и начинающіяся производства лопаются, нѣтъ казенныхъ убытковъ, но зато нѣтъ и промышленности. Изъ этого можно заключить, что если правительство наше, изъ политическихъ видовъ, пожелаетъ непременно устроить промышленность въ Туркестанскомъ краѣ, и вообще въ нашихъ азіат-

скихъ владѣніяхъ, то оно само должно взяться за дѣло на первыхъ порахъ, и если хоть въ нѣкоторыхъ случаяхъ, будетъ счастливо въ выборѣ своихъ дѣятелей, то дѣло можетъ идти легко, и даже доставить казнѣ значительную выгоду, если же на оборотъ, у насъ будутъ вызывать и ожидать производителей, то не подлежитъ сомнѣнію, что промышленности нашей азіатской мы еще долго не увидимъ. Общество наше не достаточно развито, чтобы на компанейскихъ началахъ, могли бы быть ведены предпріятія въ значительныхъ размѣрахъ. Вслѣдствіе довольно многочисленныхъ опытовъ, все довѣріе къ предпріятіямъ, на основаніи товариществъ, преклось, и къ сожалѣнію должно сознаться, что это совершенно основательно. Въ частныхъ людяхъ, какъ мы сказали, у насъ, капиталы, умѣніе и хотѣніе не совмести-мы, слѣдовательно нѣтъ даже ни малѣйшей возможности, чтобы промышленность развилась въ Азіи посредствомъ частныхъ дѣятелей. Силою обстоятельствъ, правительство поставлено въ необходимость принять инициативу въ этомъ дѣлѣ, и какъ бы ни было трудно требовать отъ лицъ со-

10 стоящихъ на службѣ истиннаго рвенія къ
и пользамъ казны, это однакожъ не пред-
ь ставляетъ ничего невозможнаго, если съу-
0 мѣютъ выбрать людей и поставить ихъ
ь надлежащимъ образомъ на ихъ мѣста.
а Источниковъ для промышленныхъ пред-
1- пріятій, въ нашихъ среднеазіатскихъ вла-
0- дѣніяхъ, множество; въ царствахъ, живот-
г- номъ, растительномъ и ископаемомъ, можно
0 найти многочисленныя отрасли для осно-
1- ванія новыхъ промышленностей и для раз-
- витія прежнихъ. Трудность всего дѣла за-
3- ключается въ избраніи рода производствъ
- и торговли, а состоитъ она главнымъ обра-
- зомъ въ томъ, чтобы рѣшиться сойти съ
е- избитой тропы рутины, которая никуда
1, привести не можетъ, хотя идти по ней
г- очень покойно; чтобы убѣдиться въ необ-
ь, ходимости умственного **раз**витія тѣхъ на-
- народовъ, которыхъ участь довѣрена намъ
1- провидѣніемъ, и чтобы понять, что ни въ
ь какомъ случаѣ, этого развитія нельзя опа-
ь саться.

Европеецъ.

Значеніе Кокана для Россіи.

Исторія европейскаго міра, въ силу географическихъ условій, представляетъ намъ постоянное, повсюдное и упорное движеніе на востокъ. Европейскіе народы, съ юга и запада замкнутые моремъ, при инстинктивномъ стремленіи къ расширенію границъ, искони вѣковъ стремились неудержимой волной разлиться по открытымъ и широкимъ пространствамъ сѣверо-восточной Европы и Азіи. Греція искала себѣ запасной территоріи въ малой и средней Азіи; Римъ, стѣсненный Адриатическимъ и Средиземнымъ морями, силился найти просторъ у Чернаго моря и Дуная, въ Германіи и Галліи; франки до сихъ поръ тянутся къ Рейну, германцы къ Дунаю, Вислѣ и балтійскому побережью; испанцы, венеціанцы, голландцы и англичане стремились проникнуть морскимъ путемъ въ Индію и восточную Азію.

Завѣтное *Drang nach Osten* является такимъ образомъ для Европы какимъ-то всеобщимъ закономъ гражданскаго бытія, закономъ равновѣсія или приспособленія, при которомъ европейская народная волна шла на встрѣчу азіатской волнѣ, слившейся разлиться съ востока на западъ.

Славяно-русской народности выпало на долю такое теченіе еще въ большей степени, чѣмъ остальной Европѣ. При первыхъ историческихъ слѣдахъ гражданской жизни, мы, тѣснимые съ запада германцами, силились проникнуть на востокъ, низвергая въ своемъ стихійномъ теченіи менѣе сильныя и устойчивыя народности. Это роковое теченіе сначала увлекло насъ до Каменнаго пояса (Ураль), потомъ, по сибирскимъ рѣкамъ, довело до Камчатки и Восточнаго Океана; затѣмъ русская народная волна прорвала себѣ выходъ черезъ желѣзные ворота въ Закавказскій край, полилась черезъ Каспійское море по степямъ Турана, дошла до Тяньшанскаго хребта и остановилась на Коканской долинѣ.

Занятіе Кокана русскими войсками или, другими словами, присоединеніе его къ русскимъ владѣніямъ нынѣ составляетъ новость дня. Поэтому мы считаемъ нуж-

нымъ остановиться на этомъ событіи, коснувшись стараго, но далеко не избыткаго, вопроса: какое значеніе имѣютъ для Россіи, новыя территоріальныя пріобрѣтенія и въ частности послѣднее изъ нихъ?

Постоянное расширеніе русскихъ границъ неоднократно возбуждало въ нѣкоторой части нашего общества преувеличенныя опасенія. Доказывали, что не только Амурскій и Уссурийскій край, но даже Кавказъ служатъ для Россіи бременемъ, такъ какъ расходы по управленію этими областями въ настоящее время не окупаются получаемыми съ нихъ доходами. Новое пріобрѣтеніе Кокана въ состояніи возбудить еще большія опасенія. Противъ туркестанскихъ владѣній уже неоднократно въ печати раздавались голоса въ этомъ смыслѣ. Говорили, что Средняя Азія, при чрезмѣрныхъ издержкахъ на содержаніе войскъ и управленіе, не въ состояніи обѣщать Россіи выгодъ даже въ далекомъ будущемъ. Тѣ немногіе оазисы плодородной земли, которые при помощи искусственнаго орошенія способны для культуры, уже заняты туземнымъ населеніемъ и едва ли допускаютъ возможность дальнѣйшей русской колонизаціи въ значительныхъ размѣрахъ. Какъ торговый рынокъ, этотъ край, по малочисленности, бѣдности и неразвитости потребителей, тоже, говорятъ, не даетъ надежды на такой сбытъ нашихъ мануфактурныхъ произведеній, который, хотя косвенно, могъ бы вознаграждать административныя затраты. Естественныя произведенія этого края, не смотря на ихъ цѣнность и пригодность въ Россіи, не могутъ конкурировать съ такими же произведеніями западной Европы и нашихъ южныхъ провинцій.

Если даже допустить, что въ Туркестанѣ разовьются большія промышленныя силы, что мы могли бы оттуда въ изобиліи получать вино, шелкъ, хлопокъ, фрукты и массу другихъ колониальныхъ товаровъ, то какими средствами достигъ того, чтобы эти произведенія доставлялись, напр. въ Москву или Петербургъ, на протяженіи четырехъ тысячъ верстъ, также удобно, скоро и дешево какъ изъ Италіи, Франціи, Крыма и Кавказа? Туранская степь, безплодная и безводная, не способная ни

къ культурѣ, ни къ заселенію, всегда будетъ служить роковымъ тормазомъ сближенію Россіи съ туркестантскимъ краемъ и успѣшной эксплуатаціи этого края. Для чего же, послѣ этого, послужать наши всѣ пріобрѣтенія въ Средней Азіи? Не готовы ли они на самомъ дѣлѣ перспективу новаго Кавказа, съ безконечной борьбой и громадными финансовыми потерями?

Въ такомъ пессимистическомъ воззрѣніи могла бы быть доля правды въ томъ только случаѣ, если выгоды отъ Туркестанскаго края пріурочивать исключительно къ интересамъ Европейской Россіи. Относительно этой послѣдней, наши среднеазиатскія владѣнія дѣйствительно имѣютъ значеніе отдаленныхъ колоній, гораздо менѣе связанныхъ путями сообщенія съ метрополіей, чѣмъ индійскія владѣнія англичанъ. Если бы вмѣсто безконечныхъ степей Турана насъ соединяло море, то бесспорно промышленная эксплуатація Средней Азіи пошла бы гораздо скорѣе и дѣятельнѣе. Но для мертвой пустыни не остается другого способа товарнаго передвиженія, кромѣ вьючныхъ верблюдовъ. Мечтать о проложеніи по этой степи желѣзнаго пути могутъ только люди съ пылкимъ воображеніемъ и незнакомые съ дѣйствительностію. Эта химерическая идея должна исчезнуть у всякого, кто поближе познакомится съ эксплуатаціей русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Если по линіямъ проходящимъ по густо населенной мѣстности, напр. моршанско-сызранской, цѣлые поѣзды заноситъ снѣгомъ, цѣлыя недѣли проходятъ въ очищеніи пути и пассажиры едва не умираютъ отъ холоду и голоду, то что же сказать про дорогу, которая сотни верстъ (отъ Орска до Ташкента 1684 версты) должна проходить по безлюдной, безводной и безплодной степи, представляющей зимой страшные снѣжные ураганы. Затѣмъ, эксплуатація этой дороги была бы невысказима, такъ какъ невысказима здѣсь осѣдлая жизнь при какой бы то ни было искусственной поддержкѣ со стороны государства. Туранская пустыня, какъ отжившій, мертвый доскутокъ земли, всегда будетъ недоли-

мой преградой между Европейской Россіей и среднеазиатскими владѣніями. Стало быть, едва ли можно рассчитывать на то, чтобы колониальныя произведенія туркестанскаго края могли конкурировать на рынкахъ Европейской Россіи съ произведеніями какъ нашего юга, такъ равно Европы и Америки.

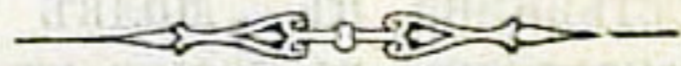
Приобрѣтеніе Туркестанскаго края можетъ дать Россіи громадныя выгоды, но не для европейской ея половины, а для азиатской. По географическимъ условіямъ, этотъ край долженъ вступить въ тѣсныя органическія связи съ Сибирью. По отношенію къ Сибири, онъ будетъ не отдаленной колоніей, а прямымъ продолженіемъ сибирской территоріи, будетъ имѣть значеніе южныхъ провинцій Сибири, какъ Крымъ и Кавказъ для Европейской Россіи. Съ этой сѣверо-восточной стороны не только возможно, но уже начинается быстро подвигаться русское населеніе вплоть до Иссыкъ-Куля и вѣроятно пойдетъ дальше въ долину Намагана и Кокана. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на новое среднеазиатское приобрѣтеніе, чтобы признать его пользу для Россіи и тѣ условія, при которыхъ эта предполагаемая польза могла бы осуществиться быстрѣе и плодотворнѣе.

Для подтвержденія этой мысли обратимся къ географическому положенію.

За исходный пунктъ возьмемъ Семипалатинскъ, откуда начинается свободное пароходное сообщеніе по Иртышу и далѣе по Оби со всѣми городами Западной Сибири, а черезъ имѣющую быть желѣзную дорогу, примыкающую къ Тюмени, и съ Европейской Россіей. Семипалатинскъ, такимъ образомъ, по отношенію къ Туркестанскому краю съ восточнаго пути имѣетъ тоже значеніе, какъ Оренбургъ съ западнаго. Отъ Оренбурга до Ташкента считается $1948\frac{3}{4}$ в., изъ которыхъ только 265 в. до Оренбурга мож-

но считать населенными, а далѣе тянется пустыня вплоть до Туркестана, или даже до Чекмента. Отъ Семипалатинска до Вѣрнаго, черезъ Сергіополь и Коканъ нынѣшнимъ трактомъ считается 983 в., но этотъ путь можетъ быть укороченъ до 800 в. Отъ Вѣрнаго, черезъ Ауліе—Ата и Чекментъ, до Ташкента считается по нынѣшнему тракту 760 в., отъ Ташкента до Кокана 210 в. При возможности проложить отъ Вѣрнаго до Кокана прямой путь черезъ горы, отъ Иссыкъ-Куля къ верховьямъ Сыра или Нарына, этотъ путь могъ бы быть отъ 500 до 600 в. Слѣдовательно, при улучшеніи путей сообщенія, разстояніе между Семипалатинскомъ и Коканомъ можетъ быть не болѣе 1400 в., а принимая въ расчетъ одну лишь Семирѣчинскую область, гдѣ собственно уже начинается туркестанская культура, это разстояніе будетъ не болѣе 800 в. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что путь между Семипалатинскомъ и Вѣрными идетъ по мѣстности, вполне пригодной къ заселенію и уже значительно заселенной, изъ чего можно видѣть, что этотъ путь въ Туркестанъ не только самый короткій, но и самый естественный и выгодный. Если когда нибудь суждено осуществиться большимъ торговымъ и промышленнымъ отношеніямъ Россіи къ этому краю, то они должны будутъ избрать именно этотъ путь. Кромѣ близости и удобства, въ пользу его говоритъ прежде всего то обстоятельство, что Коканъ и весь Туркестанскій край безспорно необходимы для Сибири, равно какъ и Сибирь, а черезъ нее и Европейская Россія, необходимы для возникающей цивилизаціи Туркестанскаго края.

Завтра мы скажемъ подробнѣе о значеніи Кокана для Сибири.

Значеніе Кокана для Сибири.

Сибирь, по своему положенію и климатическимъ условіямъ, лишена всякой возможности развивать у себя культурныя произведенія южныхъ странъ. Не говоря уже о такихъ продуктахъ, какъ шелкъ, хлопокъ, краски, оливковое масло и пр., необходимыхъ для питанія мануфактурной промышленности, даже предметы, такъ сказать, обыденныхъ потребностей, каковы: виноградныя вина, фрукты, аптекарскіе и колониальныя товары, въ Сибири до сихъ поръ получаютъ изъ Москвы и Петербурга. Принимая въ расчетъ, что эти послѣдніе города получаютъ означенныя произведенія большею частію изъ западной Европы, не трудно понять, что при такихъ условіяхъ въ Сибири не только не мыслима мануфактурная промышленность, но почти невозможно пользованіе привычными для всякаго образованнаго человѣка удобствами цивилизованной жизни. Иначе и быть не можетъ, если вспомнить, что отъ Томска, центра Сибири, до Петербурга 4 тысячи верстъ. Желѣзная дорога, въ послѣдствіи, можетъ облегчить это пространство и удешевить провозъ, но она не сократитъ разстоянія. Всякій сибирякъ, желающій или принужденный подышать южнымъ воздухомъ, обреченъ чуть ни на кругосвѣтное путешествіе, чтобы черезъ Петербургъ добраться напр. до Швейцаріи или Италіи. Сибирь такимъ образомъ была лишена громаднаго преимущества остальныхъ странъ, въ томъ числѣ и Европейской Россіи, именно близости юга и возможности дешево пользоваться его произведеніями, а временемъ— и климатическими удобствами. Это лишеніе могло бы до нѣкоторой степени повліять на успѣшное развитіе въ Сибири полной цивилизованной жизни, съ европейскими удобствами и потребностями. Сибири было необходимо сосѣдство юга— и оно явилось съ пріобрѣтеніемъ Семирѣчья и Кокана.

Коканъ не даромъ заслужилъ у туземцевъ названіе „Плѣнительный Коканъ“. Его плодосная долина представляетъ собой сплошной садъ, изобилующій всѣми произведеніями юга. Кромѣ хлопка и риса, здѣсь можетъ быть съ большимъ успѣхомъ развито винодѣліе, шелководство и табаководство; могутъ быть культивированы фруктовыя и оливковыя деревья, красильныя и лекарственныя растенія. Въ Коканѣ найдены и уже эксплоа-

тируются нефтяные источники; есть мѣд-
 ный и серебряноцинковый руды, найдется
 и уголь и много другихъ минеральныхъ
 сокровищъ. Черезъ Коканъ могутъ быть
 получаемы въ Сибирь всѣ произведенія
 изъ-за Тяньшаньскаго хребта, изъ запад-
 наго Китая и даже Индіи. Коканъ на-
 конецъ представляетъ лучшую климати-
 ческую мѣстность для имѣющихъ надоб-
 ность побережъся отъ разрушительнаго влія-
 нія сѣвернаго сибирскаго климата. Та-
 кимъ образомъ, Сибирь пріобрѣтаетъ въ
~~используясь~~ то, чѣмъ для насъ служатъ за-
 падная Европа, Крымъ и Кавказъ. Поль-
 зованіе его произведеніями можетъ быть
 такъ же удобно, какъ Москвѣ и Петер-
 бургу—произведеніями нашего юга, ибо на
 протяженіи 800 верстъ, между Иртышемъ
 и Иссыкъ-Кулемъ можетъ быть устроено
 вполне европейское сообщеніе.

Такое отношеніе къ Туркестанскому
 краю и Кокану сибиряки съ перваго же
 разу поняли инстинктивно. Въ то время,
 какъ громадныя пространства Амурской и
 Уссурійской области до сихъ поръ пред-
 ставляютъ почти пустыню, когда населе-
 ніе Оренбургскаго края ни на волосъ не
 подвинулось и не могло подвинуться по
 пути къ Аральскому морю; путь отъ Ир-
 тыша до Вѣрнаго сразу же началъ затя-
 гивать казацкія станицы, годъ отъ году
 разрастающіяся больше и больше.

Черезъ десять лѣтъ послѣ основанія
 Вѣрнаго (1855 г.) въ немъ уже жило до
 4000 русскихъ переселенцевъ, и во всемъ
 Заилійскомъ краѣ въ 1865 г. ихъ было
 до 8000. Нынѣ это число по меньшей мѣ-
 рѣ удвоилось. Въ Вѣрномъ уже сущест-
 вуетъ гимназія. Явились пионеры не толь-
 ко изъ Сибири, но и изъ великорусскихъ
 губерній отыскивать себѣ привольныя мѣ-
 ста около Иссыкъ-Куля и по долинамъ
 рѣкъ между снѣжными хребтами Алатау.
 Если бы эта колонизація была болѣе по-
 опряема правительствомъ, то можно бы
 было надѣяться, что Заилійскій край и
 весь путь до Иртыша въ скоромъ време-
 ни превратился-бы въ густо населенную
 мѣстность, широкой полосой русскаго пле-
 мени слился бы совершенно, какъ одно
 цѣлое, съ южной Сибирью, а вмѣстѣ съ
 тѣмъ и съ Россіей.

Нельзя жаловаться на то, чтобы въ За-
 илійскомъ и Туркестанскомъ краѣ недо-
 ставало мѣста для русскихъ поселеній.
 Осѣдлое туземное населеніе едва занимаетъ

одну треть удобныхъ земель. Остальное пространство среднеазіятской нови ждетъ то, къ русскихъ рукъ, чтобы превратиться въ плодородныя поля. Нельзя также сказать, чтобы эти руки шли сюда неохотно. Въ началѣ 1866 г. явился на Иссыкъ-Куль первый пионеръ изъ вольныхъ поселенцевъ, а осенью 1867 г. въ Върномъ встрѣтила генераль-адъютанта Кауфмана уже не одна сотня просящихся селиться къ югу отъ Или. Слѣдующій годъ желающихъ было нѣсколько сотенъ, которымъ и разрѣшено заводить поселенія. Нельзя не сочувствовать свободной земледѣльческой колонизаціи. Она могла бы быстро развиться до значительныхъ размѣровъ въ томъ случаѣ, когда бы русскимъ вольнымъ поселенцамъ, какъ американскимъ скуаттерамъ, было предоставлено право самимъ выбирать удобныя мѣста, не принимая въ соображеніе административныхъ и стратегическихъ цѣлей. Такъ заселялся въ началѣ XII в. нашъ Зауральскій край и плоды этой свободы поселенія скоро обнаружили: этотъ край долгое время служилъ житницей для возникающихъ сибирскихъ городовъ и понынѣ онъ питаетъ всю горную промышленность Урала.

Чтобы скорѣе воспользоваться новыми пріобрѣтеніями Заилійскаго края и Кокана, необходимо, кромѣ умноженія здѣсь русскаго населенія, позаботиться о путяхъ сообщенія. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не колесный почтовый трактъ, уже существующій, а путь европейскій—желѣзную дорогу. Много было говорено и писано о туркестанской желѣзной дороге. Съ ней соединялись грандіозныя планы и несбыточныя надежды; спорили даже о первенствѣ идеи этого пути, съ которымъ было соединено имя Лесепса; перекладывали изъ пустого въ порожнее по поводу направленія этой дороги, то предпочитая путь на Казанскъ, то выводя ее отъ Екатеринбурга на Сыръ-Дарью, по долину Сара-Су и т. д. Но всѣ эти мечтанія естественно разбивались о горькую дѣйствительность въ формѣ тысячныхъ разстояній и пустыхъ безводныхъ степей. Тѣмъ не менѣе, идея туркестанской желѣзной дороги сознается всѣми, какъ вопросъ первостепенной важности. Безъ дороги край представляется заброшеннымъ, неупроченнымъ, почти бесполезнымъ для Россіи; привычка смотрѣть на наши окраины только изъ столицы направила этотъ вопросъ на ложную точку. Наши публицисты, а можетъ быть и администраторы, не могли отрѣшиться отъ предвзятой мысли, что Туркестанскій край долженъ быть эксплуатируемъ только Ев-

ропейской Россіей. Отдаленную, почти забытую Сибирь никто не принималъ во вниманіе, тогда какъ, по своему географическому положенію, она должна быть полной и первой наслѣдницей богатства Туркестанскаго края. Она первая проложила путь въ этотъ край, первая приступила къ его органической ассимиляціи путемъ заселенія и въ будущемъ она по преимуществу должна вступить съ нимъ въ тѣсныя и обширныя торгово-промышленныя связи. Поэтому первая, если не единственно возможная, желѣзная дорога въ Туркестанъ должна идти изъ Сибири или, говоря точнѣе, прежде всего отъ Иртыша до Вѣрнаго. Въ этомъ размѣрѣ и направленіи желѣзная дорога не представляется чудовищнымъ проектомъ, но можетъ быть осуществлена въ недалекомъ будущемъ безъ чрезмѣрныхъ затратъ со стороны государства и съ большой для него пользой. При мысли о туркестанской желѣзной дорогѣ, Россія не можетъ и не должна задаваться пустыми идеями сухопутнаго транзита изъ Индіи. Цѣль наша должна быть болѣе опредѣленная, практическая, полезная для насъ самихъ, а не для европейскихъ сосѣдей. Она должна состоять 1) въ томъ, чтобы этимъ способомъ связать съ коренной Россіей и обезопасить отъ возможныхъ случайностей наши юные, еще не окрѣпшія владѣнія. Это цѣль стратегическая. 2) Желѣзная дорога должна поднять производительность края, облегчить сбытъ его произведеній, возвысить государственные доходы. Мы уже отчасти показали, на сколько второе изъ этихъ условій не выполнимо при проведеніи дороги изъ Европейской Россіи черезъ степи. Кромѣ того, что это сооруженіе обошлось бы считая отъ Оренбурга, не менѣе 100 милліоновъ, эксплуатація этого пути зимой была бы почти невозможна, а лѣтомъ разорительна по отсутствію воды и топлива. Сбытъ же по этой дорогѣ не могъ бы быть слишкомъ великъ потому, что отдаленность перевозки (3—4 т. в.) ложилась бы тяжелымъ гнетомъ даже на цѣнные колониальные товары, особенно при громадной конкуренціи со стороны русскаго юга и европейскаго запада. Такимъ образомъ, эта желѣзная дорога, не окупая самое себя и служа лишь стратегическимъ цѣлямъ, удвоила-бы только затраты государства на Туркестанскій край, не возвышая его доходности.

Совсѣмъ другое дѣло—сибирское направление. На протяженіи 800 в. между Вѣрнымъ и Семипалатинскомъ, линія обошлась бы не болѣе 30 милліоновъ. Эксплоатація ея, въ населенной мѣстности, ни чѣмъ не отличалась бы отъ остальныхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, была бы, можетъ быть, даже дешевле по случаю изобилія каменнаго угля вблизи Иртыша. Въ стратегическомъ отношеніи эта линія имѣла-бы еще больше значенія, чѣмъ оренбургская, ибо кромѣ войскъ, сосредоточенныхъ въ Омскѣ и Семипалатинскѣ, средне-азіатскія владѣнія находились-бы тогда подъ охраной сплошного русскаго населенія всей мѣстности на протяженіи дороги. Товарное и пассажирское движеніе здѣсь съ перваго-же раза могло бы быть на столько значительно, что, при умѣренныхъ затратахъ на устройство пути и его эксплоатацію, оно могло-бы покрыть проценты и погашеніе на затраченный капиталъ, развѣ съ незначительной приплатой для правительства—и то на первое время. Здѣсь существуютъ всѣ условія для успѣшности дѣла. Какъ мы показали выше, Сибирь нуждается во всѣхъ средне-азіатскихъ произведеніяхъ. Она всегда будетъ ихъ главнымъ потребителемъ безъ конкуренціи со стороны Запада, потому что продукты южной растительности Средней Азіи въ Сибири должны быть гораздо дешевле, чѣмъ доставленные черезъ Европейскую Россію. Въ числѣ этихъ предметовъ достаточно указать на виноградныя вина, свѣжіе и сушеные фрукты, табакъ, красильныя и лекарственныя вещества, рисъ, хлопокъ, шолкъ, коканскій керосинъ. Въ замѣнъ этого Россія давала-бы туркестанскому краю желѣзныя издѣлія, мануфактурныя производства и всѣ предметы, такъ сказать, домашняго обихода. Мы не имѣемъ цѣлью излагать здѣсь проектъ туркестанской желѣзной дороги, поэтому не считаемъ нужнымъ перечислять здѣсь всѣхъ предметовъ взаимнаго обмѣна съ приблизительнымъ количествомъ грузовъ. Достаточно и того общаго сообра-

женія, что двѣ обширныя страны, диаметрально противоположныя по климату и характеру производительности, при неизбѣжномъ обмѣнѣ своихъ произведеній не могутъ не дать достаточно груза для поддержанія единственнаго между ними пути. Что касается до дальнѣйшихъ послѣдствій отъ указанной желѣзной дороги для Сибири и Туркестана, то они безспорно превзойдутъ всякія ожиданія. Не говоря о быстромъ увеличеніи населенія и производительности

Средней Азіи, эта мѣра разовьетъ въ Сибири несуществующую до сихъ поръ мануфактурную жизнь. Нѣтъ ничего естественнѣе, на примѣръ, создать на Иртышѣ фабрики для обработки туркестанскаго хлопка и шелка. При обиліи каменнаго угля на мѣстѣ и при дешевой доставкѣ сырого матеріала, это производство не должно быть убыточнымъ, такъ какъ сбытъ мануфактурныхъ произведеній можетъ быть обезпеченъ, кромѣ Сибири, тѣми-же средне-азіатскими владѣніями.

Въ виду всего вышеизложеннаго, нельзя не привѣтствовать добрыми пожеланіями и надеждами вновь совершившееся занятіе Коканскаго ханства. Нельзя опредѣлить ту громадную пользу, какую принесетъ этотъ край для Сибири, восполняя ея климатическіе недостатки и возбуждая предприимчивый духъ сибиряковъ къ новой, до сихъ поръ не испытанной ими дѣятельности. Остается только желать, чтобы вновь пріобрѣтенныя богатства не оставались втунѣ, а возможно скорѣе выступали изъ нѣдръ благодатной почвы. Нечего откладывать до будущихъ поколѣній то, чѣмъ можно пользоваться немедленно. Россія страдаетъ недостаткомъ капиталовъ и народнаго богатства главнымъ образомъ отъ того, что до сихъ поръ пробавляется мало прибыльной эксплуатаціей своей сѣверной, скудной почвы.

